Смертин Юрий Григорьевич

ЛЕГЕНДА О ХУА МУ-ЛАНЬ: МОРАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОРИЕНТАЛИЗМ

В статье исследуется феномен популярности легендарного образа девушки Хуа Му-лань в китайской культуре и массовой культуре Запада конца XX - начала XXI в. Рассказ о ее благонравных поступках и военной доблести содержится в древней поэме. Впервые в отечественной историографии ставится задача рассмотреть содержащиеся в ней моральные императивы и проанализировать их интерпретации в китайской и западной цивилизациях. Делается вывод, что многовековая эволюция данного образа определялась историческими условиями, политическими целями, гендерными стереотипами, эстетическими предпочтениями и ориентализмом как современным дискурсом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 176-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

С учётом сохраняющейся государствоцентричности современного мира представляются преждевременными рассуждения о распаде Вестфальской системы, основывавшейся на принципе суверенного равенства государств. На протяжении более трёх с половиной столетий эта система развивается и усложняется. В процессе её обновления изменяются содержание, объем и формы реализации суверенитета. Завершение функционирования Вестфальской системы может быть вызвано лишь уходом государства из мировой политики и международных отношений.

В будущем государства, видимо, будут постепенно утрачивать статус главных носителей суверенитета и встраиваться в иерархическую вертикаль власти в качестве промежуточного звена (над ними – наднациональные структуры, под ними – органы регионального и муниципального управления с расширенными полномочиями). Одновременно будет возрастать относительное могущество различных негосударственных акторов, усилится их влияние на решение все большего круга проблем в социальной, экономической и политической сферах.

Список литературы

1. **Бек У.** Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
2. **Клинова М. В.** «Возвращение» государства: «скорая помощь» в кризис или устойчивая тенденция? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 18-31.
3. **Супян В. Б.** США: уроки кризиса // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 3-18.
4. **Fukuyma F.** America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven – L., 2006. 240 p.
5. **Krasner St.** Sovereignty: Organized Hypocricy. Princeton, 1999. 248 p.
6. **Ohmae K.** The End of Nation State: the Rise of Regional Economics. N. Y., 1996. 214 p.
7. **Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Possibilities** / ed. St. D. Krasner. N. Y., 2001. 370 p.
8. **Rosenau J.** Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997. 467 p.
9. **Rosenau J.** Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. N. Y., 1990. 480 p.
10. **Slaughter A.-M.** A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. 368 p.

STATE STATUS AND PROSPECTS IN GLOBALIZATION CONTEXT

Naum Mikhailovich Sirota, Doctor in Political Science, Professor
Department of History and Political Science
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
sirotanm@mail.ru

The author analyzes state transformation process under the influence of globalization, shows the theses simplicity about this institution “devaluation” and sovereignty “dilution”, considers economic crisis influence on state functions evolution and substantiates the hypothesis about states role eliminating just as a tendency and their gradual integration into power hierarchical line as an intermediate link between supranational structures and regional and municipal authorities.

Key words and phrases: state; globalization; non-state actors; world politics subject; global self-governing society; sovereignty; region; transnational corporations.

УДК 94(510):396.1

В статье исследуется феномен популярности легендарного образа девушки Хуа Му-лань в китайской культуре и массовой культуре Запада конца XX – начала XXI в. Рассказ о ее благонравных поступках и военной доблести содержится в древней поэме. Впервые в отечественной историографии ставится задача рассмотреть содержащиеся в ней моральные императивы и проанализировать их интерпретации в китайской и западной цивилизациях. Делается вывод, что многовековая эволюция данного образа определялась историческими условиями, политическими целями, гендерными стереотипами, эстетическими предпочтениями и ориентализмом как современным дискурсом.

Ключевые слова и фразы: фольклор; образ; переодевание; война; гендерное неравенство; любовь; эротизм; стереотипы; мораль; преданность.

Юрий Григорьевич Смертин, д.и.н., профессор
Кафедра археологии, этнологии, древней и средневековой истории
Кубанский государственный университет
usmer@hotmail.com

ЛЕГЕНДА О ХУА МУ-ЛАНЬ: МОРАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОРИЕНТАЛИЗМ©

В китайской классической литературе есть немало произведений, ставших архетипическими для китайской культуры. Среди них особое место занимает поэма «Баллада о Му-лань» («*Мулань ши*»), в основе которой

© Смертин Ю. Г., 2012

лежат приключения девушки Хуа Му-лань, которая, переодевшись мужчиной, сражалась против враждебных кочевников в составе императорской армии.

Легенда о Му-лань появилась в V или VI в. в Северном Китае. В то время север был завоеван тюркскими племенами тоба, создавшими на подконтрольных землях империю Северная Вэй (386–534 гг.). Тобийцы быстро подчинились влиянию китайской культуры. Китайцы привлекались к управлению государством, государственным языком был китайский, бывшие кочевники переоделись в китайскую одежду и получили официальные китайские фамилии, а правители Северного Вэй стали считать себя китайскими императорами. Все это нужно иметь в виду при анализе «Баллады о Му-лань» как истинно *китайского* образца конфуцианской цивилизации, хотя и возникшего на территории, политически не подконтрольной китайской власти. Примечательно, что Му-лань называет своего государя «ханом», что характерно для кочевых народов.

Вначале баллада существовала в форме фольклора. Считается, что записана она была впервые в VI в. и вошла в состав антологии «Старые и новые музыкальные записи». Первоначальный текст не сохранился, но он был воспроизведен в XI в. в антологии «Собрание Музыкальной палаты» («*Юэфу ши цзи*»), составленной Го Мао-цянем и содержащей народные песни с династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) до эпохи Пяти династий (907–960 гг.)

«Баллада» начинается с изображения Му-лань в домашнем интерьере за типично женским занятием. Ее родители также ожидают от нее стереотипного женского поведения [4, p. 68–72].

Клик-клак, и снова – клик-клак,
Му-лань ткет полотно, глядя на дверь.
Не слышно звуков челнока,
Слышны только дочери вздохи.
Они спрашивают, кто у дочери в сердце,
Они спрашивают, кто у дочери на уме.

Но мысли Му-лань совсем не о любви. Она решает идти в армию вместо своего престарелого и больного отца, которого призывают на военную службу для отражения нашествия варваров-гуннов.

«Вчера я видела объявление о призыве в армию.
Хан собирает большое войско.
Список призывников на двенадцати свитках,
И в каждом из них – имя отца.
У отца нет взрослого сына,
У Му-лань нет старшего брата.
Я хочу купить седло и лошадь
И служить в армии вместо отца».

На Восточном рынке она покупает лихого коня,
На Западном рынке она покупает седло,
На Южном рынке она покупает поводья,
На Северном рынке она покупает длинный кнут.
На рассвете она покидает отца и мать –
Вечером она уже на берегу Хуанхэ.
Она не слышит криков отца и матери,
Только слышит, как плещут воды Хуанхэ.

На рассвете она покидает берег Хуанхэ –
Вечером она достигает Черной горы.
Она не слышит зова отца и матери,
Слышит только ржание лошадей кочевников.

Му-лань переодевается в мужскую одежду и в течение 12 лет принимает участие в сражениях, проявляя при этом недюжинную стойкость.

Она проходит десять тысяч ли по дорогам войны,
Она преодолевает ущелья и горы как птица.
Северный ветер доносит стук армейских котелков,
Холодный свет сияет на железных доспехах.
Генералы погибли в сотнях сражений.
Через десять лет отважные солдаты возвращаются домой.

В награду ей/ему император предлагает высокий официальный пост и солидное материальное вознаграждение. Му-лань отказывается от высокой чести и просит государя только об одном.

Возвратившись, она встречается с Сыном Неба.
Сын Неба сидит в роскошном дворце.
Он раздает чины двенадцати рангов
И награды в сотни тысяч монет.
Хан спрашивает ее, что она желает.
«Му-лань не годится для министерского поста.
Все, что мне нужно – это резвая лошадь,
Чтобы быстрее вернуться домой».

Му-лань воссоединяется с семьей и первым делом восстанавливает свой забытый женский облик.

Когда отец и мать слышат, что дочь возвращается,
Они выходят за ограду, опираясь друг на друга.
Когда старшая сестра слышит, что младшая возвращается,
Она нарумянивает лицо и смотрит на дверь.
Когда младший брат слышит, что сестра возвращается,
Он точит нож, вжик-вжик, забить свинью и овцу.
«Я открываю дверь моей восточной спальни,
Я сажусь на кушетку в западной комнате,
Я снимаю свои военные одежды
И надеваю мои старые платья».
Глядя в окно, она укладывает подобные облаку волосы.
Поставив зеркало, она пудрится желтой цветочной пудрой.

Именно в это время сотоварищи Му-лань по ратным подвигам навещают ее и, узнав тайну, удивляются, как ей удавалось притворяться мужчиной все долгие годы их совместной службы.

Она выходит из дома и видит своих товарищей.
Ее товарищи изумлены и растеряны:
Странствуя вместе целых двенадцать лет
Они и не подозревали, что Му-лань – девушка.

Му-лань в аллегорической форме высказывает, возможно, впервые в китайской традиции, идею гендерного равенства.

«Ноги зайца подскакивают и подпрыгивают,
Зайчиха косит глазами, будто пьяная.
Два зайца бегут бок о бок, стелясь по земле.
Как они могут сказать, что я – это он или она?».

В «Балладе» ничего не рассказывается ни о семье Му-лань, ни о ее военных подвигах. Нет сведений о ее жизни до ухода в армию и после возвращения в отчий дом. В результате, читатели и писатели всех времен имели почти неограниченные возможности для того, чтобы дополнить легенду деталями в своем вкусе.

Долгое время героиня была символом верности и преданности семейным и государственным ценностям. В период династии Суй (598–617 гг.) ее знали под фамилией Вэй. В то время недавно объединенной Поднебесной угрожали тюркские племена. В суйской легенде к событиям, описанным в приведенном выше варианте, добавляются новые. Император Ян Гуан, после отказа Му-лань от чинов и наград и возвращения ее домой, наконец узнал, что герой войны оказался женщиной. Он призвал ее и был очарован ее красотой и умом. В ответ на предложение стать императорской наложницей Му-лань ответила отказом. Тогда Ян Гуан изнасиловал ее, и это привело к самоубийству героини ради сохранения моральной чистоты. Этот император в китайской официальной истории выступает как жестокий деспот, лишенный человеческого сострадания. Десятки тысяч людей были казнены или погибли при осуществлении грандиозных строительных проектов. Однако он очень сожалел о гибели Му-лань и присвоил ей титул «*сяоле*», что означает «сыновняя почтительность и героизм».

Другой, не менее трагический образ Му-лань был создан в период правления династии Тан (618–907 гг.). Тогда ее фамилия была Чжу. Опять империя страдала от набегов тюркских племен. Отличившейся в сражениях Му-лань выдающийся танский император Ли Ши-минь (626–649 гг.) решил присвоить генеральское звание. Девушка вежливо отказалась и вернулась домой. Император, узнав ее тайну, все-таки присвоил ей титул «генерал У-чжао». Но потом императорский оракул предсказал, что женщина по фамилии У отстранит от власти правящую фамилию Ли. Придворные недруги Му-лань воспользовались ситуацией и указали на нее – «генерала У-чжао». Ли Ши-минь поверил в клевету и отправил гонцов к Му-лань с приказом явиться

ко двору. Умная девушка все поняла и написала оправдательное письмо. И чтобы не было сомнений, что ее сердце непорочно, она рассекла себе грудь и умерла [8].

В эпоху Мин (1368–1644 гг.) известный литератор и художник Сюй Вэй (1521–1593 гг.) написал драму «Девушка Му-лань заменяет отца в армии» (*Цы Мулань ти фуцун цзюнь*). Этот период отмечен подъемом городской культуры, культуры средних городских слоев. Эта квазинародная культура оказывала влияние и на образованные классы. Интеллектуалы живо интересовались народной литературой, так как многие из них были поклонниками философской школы Тайчжоу, которая особое значение придавала спонтанности и непосредственности человеческого поведения, и эти качества видели в народном творчестве. Народная литература – это искренняя литература, лишенная условностей официальной культуры. И Сюй Вэй, или «Безумный Вэй», как его называли современники за неуравновешенность, эксцентричность и пограничное с безумием состояние, в котором он творил свободно и вдохновенно, в своих драмах обличал власти и прославлял женский ум и храбрость.

В литературе конца минского периода проявляются новые черты. Воображение, фантазия, выдумка, психологический анализ играют теперь гораздо большую роль, чем в предшествующей литературе. Минская эпоха – это время возросшего интереса публики к интимной стороне человеческой жизни [1, с. 365–382]. В XVII в. были опубликованы знаменитый натуралистический роман нравов «*Цзин, Пин, Мэй*» («Цветы сливы в золотой вазе») и откровенно эротическая книга Ли Юя «Подстилка из плоти» (*Жоу пу тань*).

Эротические мотивы звучат и в драме Сюй Вэя. Он напоминает читателю о сексуальной привлекательности героини через частые упоминания о ее ножках, вернее об искалеченных бинтованием ступнях – наиболее эротизированной части женского тела с времен династии Сун (960–1279 гг.). Маленькая копытообразная ножка получила название «золотой лилии» или «золотого лотоса». Поскольку женщина даже при половом акте не обнажала ступней (они были закрыты чулками), «золотые лилии» превратились в объект глубочайших сексуальных желаний китайских мужчин [2, с. 107–113].

В драме много места отводится обсуждению туалетных проблем Му-лань, связанных с нахождением в мужском обществе. В эпоху Мин и до начала XX в. тайное созерцание женского мочеиспускания приобретает сильную эротическую окраску [7, p. 187]. Один из сослуживцев Му-лань к радости минской аудитории удивляется: «Очень странно, что никто не видел, как брат Хуа мочится» (http://www.iias.nl/nl/48/IIAS_NL48_0607.pdf).

XX в. придал новые черты образу Му-лань. В 1939 г. на Шанхайской киностудии вышел фильм «Му-лань идет в армию» (*Мулань цун цзюнь*) (режиссер Бу Ван-цан) [9]. Здесь Му-лань выступает как китайская Жанна д'Арк, правда конец истории менее трагичен.

Фильм был снят в разгар войны Японии с Китаем («Войны сопротивления», как ее называют китайцы, 1937–1945 гг.), когда значительная часть Китайской республики была оккупирована, а ее экономические ресурсы, прежде всего продовольствие, безжалостно расхищались.

Основные события начинаются в тренировочном лагере, где деликатная Му-лань подвергается насмешкам и издевательствам со стороны своих грубых собратьев по оружию. Да и между собой они постоянно устраивают ссоры и драки. Му-лань призывает их объединиться перед лицом угрозы варварского завоевания, вместо того, чтобы третировать друг друга. В это время она встречает Лю Фэнь-доу, который становится ее верным другом. Аудитория знала о женской сущности Му-лань, поэтому их влечение друг к другу выглядело двусмысленным и комичным. В конце концов, Му-лань оказывается на линии фронта и обнаруживает, что многие командиры вместо того, чтобы воевать с варварами, склоняются к идее сотрудничества с ними. Му-лань переодевается в одежду кочевника, проникает во вражеский лагерь и узнает о предстоящей атаке. Эти сведения были проигнорированы командующим, что привело к трагическим событиям: генерал был убит, а армия понесла большие потери. Му-лань лично убила советника генерала, перегруппировала войска и нанесла поражение кочевникам. Император в знак уважения и благодарности предложил ей высокий пост при дворе, но она отказалась и попросила разрешения вернуться домой. Приняв свое женское обличье, она выходит замуж за Лю Фэнь-доу.

Этот патриотический фильм должен был пробуждать боевой дух китайцев и противостоять японской пропаганде, которая убеждала население в необходимости своего военного присутствия и предостерегала против сотрудничества и с коммунистами, и с Гоминьданом. Здесь много прямых параллелей. В образах генерала, его советника и нестойких командиров выводятся те представители китайской элиты, которые шли на сотрудничество с захватчиками. Раздоры в рядах императорской армии – это затяжной конфликт между китайскими коммунистами и националистами. Характерна и сцена, в которой захватчики окружили Му-лань и пытались отобрать кроликов (ресурсы!), которых она поймала, чтобы накормить солдат. Бандиты к тому же прибегают к недвусмысленным угрозам сексуального характера. Му-лань – символ родины, прибегнув к хитрости, лишается кроликов, но сохраняет честь.

В условиях китайско-японской войны древняя баллада послужила стимулирующим фактором патриотической консолидации общества. Фильм собирал полные залы в Шанхае и с энтузиазмом воспринимался зрителями, легко воспринимавшими актуальный подтекст. Его успеху способствовало и то, что впервые перед зрителем предстала в качестве героини китаянка с нетрадиционным социальным поведением. Она разрушала тысячелетние стереотипы, согласно которым женщина должна соблюдать приличия, быть сдержанной, скромной и тихой [5, p. 72].

Во второй половине XX в. история Му-лань прочно заняла место на китайском телевидении, причем не прописанная в оригинале «Баллады» любовь становится доминирующим мотивом. Интерпретировался знаменитый сюжет на самые разные вкусы. В 1998 г. на экраны вышел 20-ти серийный гонконгский телесериал «Фаа Мук Лаань» (на кантонском диалекте). Этот фильм подавал перипетии судьбы героини в комедийном и даже гротескном плане. Это относится и к любовной линии: молодой воин Хо Ко-синь знает, что Му-лань девушка, но героиня об этом не подозревает, что порождает массу пикантных ситуаций.

На Тайване в 1999 г. был создан 48-серийный телевизионный фильм с таким же названием, в котором известные события рассматриваются в драматическом ключе. Здесь основное внимание уделяется боевым подвигам Му-лань, причем активную роль в ее жизни играет позиция небожителей-*сяней*, что придает картине налет даосской мистики. Не забыты и эротические моменты, связанные с опасностями нахождения женщины в сугубо мужском обществе. Груди Му-лань – постоянный источник опасности разоблачения ее маскировки. В многочисленных комичных сценах она всячески избегает дружеских объятий сослуживцев и осмотра ими ее ранений.

В это же время происходит глобализация образа Хуа Му-лань. Эта история становится широко известной в англоязычной аудитории. В 1976 г. американка китайского происхождения М. Х. Кингстон публикует свою книгу «“Женщина-воин”: девичьи воспоминания в окружении духов» [6]. Известная феминистка перерабатывает историю Му-лань, рассказанную матерью, в автобиографическое эссе и превращает фольклорную героиню в китайско-американскую женщину, носительницу двух культур, которая воюет за право свободного выражения и реализации своей феминности. И китайскую, и западную культуру М. Х. Кингстон называет «секситской», т.е. основанной на мужском доминировании; китайскую – в большей степени. В центре ее внимания проблемы гендера и этничности и их влияния на жизнь женщины. В американских университетах эта книга является обязательной для изучения в курсах американской литературы, социологии и гендерных проблем, что способствовало популяризации образа Му-лань.

В 1998 г. появляется полнометражный диснеевский мультфильм «Mulan» (бюджет 70 млн долларов). Авторы приспособили сюжет к вкусам западной аудитории, причем в основном описываются события, которые не были отражены в оригинальной версии легенды: неудачная попытка бабушки выдать замуж юную Му-лань, романтические отношения героини с генералом Ли Шаном на фоне военных действий, особенности гендерного поведения действующих лиц. Появляется новый персонаж – веселый и хамоватый дракончик Мушу, которого духи предков семьи отряжают на помощь девушке в ее непростом предприятии. Абсолютное зло олицетворяет предводитель гуннов Шань Юй. Среди других персонажей он выделяется подчеркнуто азиатскими чертами лица.

«Диснейизированная» Му-лань ведет себя в соответствии с западной гендерной парадигмой, основанной на равенстве полов: она независима, обладает всеми качествами лидера, одинаково хорошо выполняет женские и мужские роли и т.п. Все это, а также прекрасная музыка, красиво нарисованные действующие лица и декорации, остроумные тексты, разобранные на цитаты, сделали этот мультфильм необычайно популярным во всем мире, кроме Китая, где он был встречен весьма прохладно [3, p. 4].

Образ Му-лань быстро становится фактором массовой культуры, что привлекло внимание американских ученых разных научных направлений. Научная общественность разделилась в оценках идей, заложенных в основу фильма. Одни критиковали его за профеминистские идеи. Другие, в основном авторы феминистского направления, обращают внимание на непоследовательность гендерного поведения Му-лань, которая, бросив вызов маскулинному обществу, в конце концов отказывается от своего уникального положения и возвращается к общепринятым нормам социального поведения [10].

Практически все серьезные исследователи сходятся в том, что создатели фильма грешат «ориентализмом», т.е. искажают Восток, упиваясь его априорной и ложно понятой инаковостью. Они отмечают, что создатели фильма через передачу экзотических элементов китайской природы, архитектуры, типажей, адаптированных для западных глаз и вкусов, продают западной аудитории «туристические прелести», а она их принимает и получает удовольствие. Как считает Л. Донг, именно по коммерческим причинам «Дисней попытался интерпретировать Му-лань как “восточного другого”», но в то же время здесь проповедуются не китайские, а американские ценности [3, p. 229]. Многим не нравится, что эпическая история превращена в любовную с традиционным «хэппи-эндом». Но независимо от того, положительные или отрицательные оценки получает диснеевский фильм, его культурное влияние широко исследуется.

Все эти академические изыскания не влияют на громадную популярность мультфильма в мире, в том числе и в России. В большой степени это связано с мировым трендом, связанным с борьбой женщин за собственную индивидуальность. Показательна в этом отношении «женская» рецензия на мультфильм в русскоязычном Интернете: «Было приятно увидеть сильную и волевую девушку, которая противоречит стандартам [диснеевских] принцесс… Она доказала, что любой способен на подвиги, что наконец закончилась эра, когда принцессы ждут своих спасителей. Настали времена, когда мы сами можем защитить не только себя, но и своих друзей, родных, любимых» [11].

Анимационный фильм «Мулань», а также созданные по его мотивам сиквел «Мулань II», игрушки, видеоигры повышали популярность китайской воительницы в США и способствовали ее международной славе. ФИФА даже сделала образ Му-лань талисманом женского чемпионата мира по футболу 2007 г., проводившегося в Китае.

Образ Му-лань привлекает внимание китайцев уже 15 веков. Люди каждой эпохи создавали свою Мулань, исходя из политических, общественных и эстетических потребностей. Но всегда она была образцом преданности базовым ценностям китайской цивилизации: человеколюбию (*жэнь*), сыновней (дочерней) почтительности (*сяо*), долгу (*и*), верности (*син*), мудрости (*чжи*), благопристойности (*ли*), а также подчинению подданных государю, в основе которого лежит не страх, а уважение и почтение.

Му-лань уже не принадлежит только национальной истории и мифологии. Образ женщины в мужской одежде, нарушающей вековые традиции, установленные мужчинами, берущей на себя несвойственные полу функции, оказался востребованным в глобализирующемся мире, который бросает вызов извечным принципам гендерного неравенства. Но в этом мире осталось еще место для романтики, любви, семейных ценностей, чувства долга и преданности. Все это есть в легендах о Му-лань и их западных, пусть иногда и не совсем научно выверенных, переработках. Люди XXI в. находят в них то, что соответствует их возрасту, интеллекту и мировоззрению.

Список литературы

1. **Малявин В. В.** Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М.: Молодая гвардия, 2008. 496 с.
2. **Хьюмана Ч., Ву В.** Китайское искусство любви / пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. 319 с.
3. **Dong Lan.** Mulan's Legend and Legacy in China and the United States. Springfield: Temple University Press, 2010. 263 p.
4. **Frankel H. H.** The Flowering Plum and the Palace Lady: Interpretation of Chinese Poetry. New Heaven: Yale University Press, 1976. 256 p.
5. **Hung Chan-tai.** War and Popular Culture: Resistance in Modern China, 1937-1945. Berkeley: University of California Press, 1994. 276 p.
6. **Kingston M. H.** The Woman Warrior: Memoirs of Girlhood among Ghosts. N. Y.: Vintage Books, 1975. 209 p.
7. **McMahon K.** Casualty and Containment in Seventeenth-Century Chinese Fiction. Leiden: E. J. Brill, 1988. 157 p.
8. **Mulan in Legends** [Электронный ресурс]. URL: http://www.ourorient.com/mulan-in-legends.htm
9. **Mulan Joins the Army** [Электронный ресурс]. URL: http//chinescinema.ucsd.edu/film/mulan.html (дата обращения: 12.01.2012).
10. **Nguen M.** Negotiating Asian American Superpower in Disney's Mulan [Электронный ресурс]. URL: http//www.poppolitics.com/articles/2001/01/05/Whos-Your-Heroine? (дата обращения: 27.01.2012).
11. **www.kievrus.com.ua/m-retzenzii/35202-rezenzyy-y-otzivi-na-fylm-malan-mulan:html/** (дата обращения: 01.03.2012).

LEGEND OF HUA MU-LAN: MORAL GUIDELINES AND ORIENTALISM

Yurii Grigor'evich Smertin, Doctor in History, Professor
Department of Archaeology, Ethnology, Ancient and Medieval History
Kuban' State University
usmer@hotmail.com

The author studies the phenomenon of the girl Hua Mu-lan's legendary image popularity in Chinese culture and popular culture of the West at the end of the XXth – the beginning of the XXIst century, shows that the story of her well-behaved actions and military prowess is found in the ancient poem, for the first time in national historiography considers moral imperatives offered in the poem, analyzes their interpretations in Chinese and Western civilizations, and comes to the conclusion that the centuries-old evolution of the image was determined by historical conditions, political goals, gender stereotypes, aesthetic preferences and Orientalism as modern discourse.

Key words and phrases: folklore; image; disguise; war; gender inequality; love; eroticism; stereotypes; morality; loyalty.

УДК 141.33

Статья посвящена рассмотрению категории мистики в религиозной философии М. В. Лодыженского. Выявляются философские основания определения данной категории, а также её критерии. Определяются два христианских пути к совершенству. Анализируются взгляды М. В. Лодыженского относительно мистики христианских святых. Выявляются различия мистического опыта св. Серафима Саровского и св. Франциска Ассизского на основании трудов М. В. Лодыженского. Определяется значение добродетели смирения в достижении высших мистических состояний.

Ключевые слова и фразы: М. В. Лодыженский; мистика; этика; сверхсознание; христианство; смирение; Серафим Саровский; Франциск Ассизский; подвижничество.

Олег Викторович Солопов
Кафедра философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А. С. Хомякова
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
podvizhnik@mail.ru

ПОНЯТИЕ МИСТИКИ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ М. В. ЛОДЫЖЕНСКОГО©

Понимание мистического является одним из основных вопросов религиозной философии М. В. Лодыженского (1852-1917). В первые десятилетия XX века среди трудов отечественных исследователей едва ли можно было найти развёрнутое определение данного понятия. С целью понимания данной категории Л. А. Тихомиров в своих письмах обращался за советом именно к Лодыженскому. Он писал: «По существу же у Вас видится нечто очень приближающееся к определению. Во всяком случае, пока ни я сам не додумываюсь до более оформленного, ни у других не слышу» [8, с. 96].

Лодыженский подчёркивает, что термин «мистика» применяется у него с точки зрения христианской философии. Сам Лодыженский указывает на три наиболее типичных, по его мнению, определения мистики.

Одно из указанных определений даётся А. И. Введенским в его книге «Философские очерки». Мистическим восприятием Введенский называет «непосредственное, т.е. приобретаемое без посредства каких бы то ни было

© Солопов О. В., 2012